

является купеческой переделкой повести об Александре (в частности сохранена „прекрасная девица Елеонора“). Не исключена, впрочем, возможность, что это, как писали в конце XVIII в., „полусправедливая“ повесть, т. е. что она навеяна каким-то реальным эпизодом из жизни русского посетителя „французского города Париш“, причем, конечно, были изменены имена действующих лиц, замещенные такими, как Анис Мальтик, Дальбахт, Селибрах и т. д.

Обычно, излагая содержание „петровских повестей“ и характеризуя их особенности, пишущие об этом как раз опускают все то, что делает их непохожими друг на друга, и останавливаются на том, что якобы их сближает.

Мы видели, что ссылки на „дух“ эпохи и на „варваризмы“ не могут служить достаточным доводом за „петровскую“ приуроченность всех этих повестей. Нельзя поэтому оперировать в настоящее время нерасчлennым и неуточненным понятием „петровская повесть“. „Гистория о Василии“ — одно, „История о Александре“ и „История о Иоанне“ — другое. В первом случае — действительно человек новый, человек петровского времени; в двух других случаях — люди следующего поколения с иными целями, с иными интересами, с иным жизненным опытом. В двух последних повестях „наука“, за которой якобы едут герои за границу, никакого влияния не играет. Характерно, что такой же не развитый мотив „науки“ есть и в „Гистории о Ярополе“.

Несмотря на различие в поведении за границей героев трех якобы „петровских повестей“, объединяет эти произведения все же то, что герои их значительно более демократичны, чем герои повестей более раннего и более позднего времени. В петровскую пору и в десятилетие следовавшее непосредственно затем, был налицо несомненный интерес к „демократическому“ (относительно) герою. Даже переведенная Тредиаковским „Езда в остров любви“ (1731) говорит о похождениях абстрактного „простого“ человека. К этому же времени относятся и некоторые драматические произведения с подобным же, а иногда и вовсе демократическим героем (напр., Гаер, арликин российский и т. д.).

В царствование Елизаветы и даже в конце царствования Анны Иоанновны замечается реакция: и в театре (трагедии Сумарокова) и в литературе (ода, панегирическая проповедь, иллюминационные надписи) героями вновь становятся лица „высокого“ происхождения, короче говоря, цари и равные им по положению „особы“. В эти годы вновь обнаруживается в повествовательной литературе интерес к героям-царям, к их воинским подвигам, к пышному придворному ритуалу и т. д. В эти годы пишутся „Гистория королевича Архилабона“ П. С. Орлова и новая „осложненная“ редакция повести о Василии Кириацком (пока еще не опубликованная). К этим годам, очевидно, относится и „Гистория о царевиче Ярополе“. Это, по существу, „возврат“ к традициям допетровской повести и, конечно, „возврат“, не имевший прогрессивного характера.